

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2024**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Васютин С. А., Боброва Л. Ю.</i> Материалы кургана № 12 западной группы могильника Ур-Бедари II	7
<i>Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш., Китов Е. П., Жанузак Р. Ж.</i> Погребение гунно-сарматского времени могильника Кырк-кыз II в Кыргызстане	22
<i>Park J. S., Savelieva T. V.</i> Advanced exploitation of high-tin bronze alloys at medieval settlement Talgar in Kazakhstan	40

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Шульга Д. П.</i> К вопросу о смешении этносов в кочевых империях (на примере брачных союзов)	55
<i>Содномпилова М. М.</i> Пищевые запреты и ограничения в традиционном обществе тюрко-монголов Внутренней Азии	67
<i>Степанова О. Б.</i> Представления о болезни и смерти и магические лечебные практики у селькупов	80

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Азарова С. Н.</i> Приамурский Земский собор 1922 г. об обновленческом перевороте в России и кампании по изъятию церковных ценностей (неопубликованные документы)	91
<i>Тулянов В. А.</i> Русская православная церковь и Советское государство в год Тысячелетия крещения Руси: проблемы взаимоотношений	113
<i>Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.</i> Государственно-конфессиональная политика СССР в эпоху «перестройки» и ее влияние на деятельность религиозных общин Омской области	126
<i>Шершнева Е. А.</i> Основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.	145

ДЛЯ АВТОРОВ	170
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Vasyutin S. A., Bobrova L., Yu.</i> Materials from kurgan No 12 of Western group of Ur-Bedari II burial ground.....	7
<i>Akmatov K. T., Tabaldiev K. Sh., Kitov E. P., Zhanuzak R. Zh.</i> The burial of the Hun-sarmatian time of the Kyrk-Kyz II cemetery in Kyrgyzstan.....	22
<i>Park J. S., Savelieva T. V.</i> Advanced exploitation of hagh-tin bronze alloys at medieval settlement Talgar in Kazakhstan	40

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Shulga D. P.</i> Ethnic mixing in the nomad empires (the case of marriage unions).....	55
<i>Sodnompilova M. M.</i> Food prohibitions and restrictions in the traditional society of the turko-mongols of Inner Asia	67
<i>Stepanova O. B.</i> Concepts of illness and death and selkup magic healing practices.....	80

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Azarova S. N.</i> Unveiling the renovation coup: Amur Zemsky Sobor 1922 and the seizure of church property	91
<i>Tulyanov V. A.</i> Sacred struggles: the Russian Orthodox Church and the Soviet State amidst the Millennium of the Baptism of Rus	113
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryancikova N. A.</i> Revolutionizing religion: the USSR's confessional policy during Perestroika and its effects on religious communities in the Omsk Region	126
<i>Shershneva E. A.</i> The main directions of state-confessional policy towards the muslim communities of Eastern Siberia in the second half of the XIX — early XX century	145

FOR AUTHORS	170
--------------------------	-----

УДК 397

DOI 10.14258/nreur(2024)1–05

М. М. Содномпилова*Восточно-Сибирский институт культуры, Улан-Удэ (Россия)*

ПИЩЕВЫЕ ЗАПРЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ТЮРКО-МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

В изучении традиционных обществ повышенный исследовательский интерес сохраняется к такому общественному явлению, как «табу». В системе запретов и ограничений, регулирующих повседневную жизнь общества, особняком выделяются пищевые запреты. Многие из них носят рациональный характер и исходят из понимания тесной связи культуры питания и здоровья человека, другие представляются нелогичными и направлены на предупреждение негативных явлений или событий в жизни человека и общества. Исследование вскрывает обширный комплекс пищевых запретов, существовавших в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Пищевые запреты регламентировали разные стороны жизни людей. Запреты, согласно их обоснованию в традиционной культуре, ставили своей целью сохранение физического здоровья членов общества, особенно детей, удержание благополучия, профилактику конфликтных ситуаций в обществе. В запретах и ограничениях просматривается даже забота о внешности человека. Многие запреты, связанные с мясной пищей, носят очевидный дискриминационный характер, ограничивая женщин и детей в доступе к наиболее ценным видам мясной пищи и оставляя на их долю внутренности и другие малосъедобные части туши.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрко-монгольские народы, пищевые запреты, символика пищи, гендерные и возрастные ограничения, здоровье, социальные связи.

Для цитирования:

Содномпилова М. М. Пищевые запреты и ограничения в традиционном обществе тюрко-монголов Внутренней Азии // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 1. С. 67–79. DOI 10.14258/nreur(2024)1–05.

M. M. Sodnompilova

East Siberian Institute of Culture, Ulan-Ude (Russia)

FOOD PROHIBITIONS AND RESTRICTIONS IN THE TRADITIONAL SOCIETY OF THE TURKO-MONGOLS OF INNER ASIA

The study of traditional societies continues to generate significant interest in social phenomena such as “taboos.” Within the framework of prohibitions and restrictions that govern daily life, food taboos emerge as a prominent aspect. Some of these taboos are grounded in rationality, reflecting an understanding of the intimate link between dietary practices and human health, while others appear more arbitrary, serving to ward off negative occurrences in individuals' lives and within society. This research delves into the extensive network of food taboos prevalent in the traditional culture of the Turko-Mongolic peoples of Inner Asia. These taboos governed various facets of people's lives, with their justification rooted in the preservation of physical well-being, particularly among children, the promotion of societal harmony, and the prevention of conflicts. Additionally, these prohibitions and restrictions reveal a concern for individuals' appearances. Many of the prohibitions related to meat consumption exhibit clear discrimination, restricting women and children's access to valuable meat types while relegating them to consuming entrails and other inedible parts of the animal carcass.

Keywords: Inner Asia, Turkic-Mongolian peoples, food prohibitions, food symbolism, gender and age restrictions, health, social connections.

For citation:

Sodnompilova M. M. Food prohibitions and restrictions in the traditional society of the turko-mongols of Inner Asia. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No 1. P. 67–79. DOI 10.14258/nreur(2024)1–05.

Содномпилова Марина Михайловна, доктор исторических наук, доцент, научный сотрудник кафедры этнологии и народной художественной культуры Восточно-Сибирского института культуры, Улан-Удэ (Россия). Адрес для контактов: sodnompilova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0741-0494>.

Marina Mikhailovna Sodnompilova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Researcher at the Department of Ethnology and Folk Art Culture of the East Siberian Institute of Culture, Ulan-Ude (Russia). **Contact address:** sodnompilova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0741-0494>.

Введение

В изучении традиционных обществ повышенный исследовательский интерес сохраняется к такому общественному явлению, как «табу», определяющему начало этапа в истории человечества, который называется процессом цивилизации. Появление «табу» характеризует существенный момент качественного развития человеческого общества и зарождения основ его культуры. Феномен «табу» включает обширный ряд ограничений и запретов, регулирующий жизнь человека в обществе. Наиболее отчетливо данный феномен представлен в языке, что определяет тематику основной массы исследовательских работ, раскрывающей отражение табу в лингвокультуре [Попова, 2017; Терентьева, 2015].

В системе запретов и ограничений, регулирующих повседневную жизнь общества, особняком выделяются пищевые запреты. Многие из них носят рациональный характер и исходят из понимания тесной связи культуры питания и здоровья человека, другие представляются нелогичными и направлены на предупреждение негативных явлений или событий в жизни человека и общества.

Данная статья ставит своей целью рассмотреть и классифицировать пищевые запреты и ограничения, регламентирующие жизнь человека и общества в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, последствия их нарушений. Источниками исследования стали историко-этнографические данные, опубликованные в работах исследователей-этнографов, историков, лингвистов, фольклорные материалы, полевые материалы автора.

Материалы и обсуждение

В культуре кочевников исследуемого региона выработана сложная и многофункциональная система запретов и ограничений в отношении пищи. Запреты были обоснованы разными причинами, преимущественно религиозными и социальными. Но часть запретов имеет медицинскую подоплеку — определенные виды пищи запрещалось употреблять вследствие опасения заболеть той или иной болезнью. Запреты и ограничения были адресованы разным категориям людей традиционного общества в соответствии с гендерным и возрастным признаками. Одни запреты могли быть актуальными только в праздники, другие — в повседневном быту, в домашнем кругу. Некоторые запреты действовали только в определенной местности (целебные родники, место проведения молебствий¹).

Ведущая роль рациональных мотивов в сфере потребления достаточно очевидна, однако в ней существуют и некоторые иррациональные «абсурдные» элементы. К ним относятся, в частности, различного рода пищевые табу, установленные безотносительно к питательным свойствам и вкусу продуктов. Таких пищевых ограничений было довольно много в кухне кочевников, связаны они преимущественно с мясной пищей. Во многом запреты обусловлены особой символикой, которой обладают некоторые части мяса и внутренние органы животных. Так, в пищевой культуре монголов соблюдаются запреты, которых должны строго придерживаться женщины. Запреты обусловлены тем, что в туше животных есть почетные части мяса, от которых обязательно пре-

¹ Традиционно пищу в сакральных местах следовало варить без употребления соли и приправ.

подносится жертва божествам. Это такие почетные части туши, как голова, крестец, большая берцовая кость, лопатка, бедренная кость. Правом получать их обладают почетные старцы и уважаемые мужчины, которым и вручается «именное мясо» [Монгол ёс заншлын их тайлбар толь, 1992: 618]. Прикосновение же женщины к этим частям мяса приводило к их осквернению вследствие сакральной «нечистоты» женщины в традиционной культуре.

Многие приоритеты в питании и наоборот — пищевые ограничения и запреты в культуре тюрко-монгольских народов были обусловлены позитивным либо негативным влиянием той или иной пищи на здоровье человека. С некоторыми внутренностями связывались представления об их вреде для здоровья, относительно их употребления имели место ограничения, запреты или особые правила. Например, монголы при забое овцы выбрасывали селезенку. Запрет на употреблении в пищу селезенки отмечен и в пищевой культуре хакасов, эвенков. Относительно этого запрета у монголов сведения не обнаружены, но у соседних с монголами народов объяснение мотивации запретов все еще сохраняется. Как правило, следствием нарушения запрета становились боли в селезенке. По мнению хакасов, если мужчина съедал селезенку, то его ожидали боли в боку при езде на лошади [Бутанаев, 1996: 105]. Эвенки считали, что если ребенок съел селезенку, то в самый ответственный момент его жизни у него заболит селезенка [Николаев, 1964: 190]. У хакасов селезенку² могли есть только женщины (за исключением невесты, у которой она опять-таки может заболеть). Тувинцы, напротив, считали селезенку лакомством [Потапов, 1960: 185].

В случае нарушения пищевых запретов, которых было довольно много в кочевой культуре, могло испортиться зрение. Например, хакасы считали вредным соскребать и есть подгоревшую к казану корочку сметанной каши *потхы*: во время охоты мужчины не смогут увидеть мушку ружья, так как глаза у них будут застилаться слезами [Бутанаев, 1996: 114].

Запрет на употребление мясной пищи мог быть обоснован убеждением о её плохом влиянии на память. Известно, что хакасы вчерашние мослы никогда не подавали гостям. По поверью, если поглотить вчерашний мосол, то человек станет забывчивым и замкнутым. Баи такое мясо бросали собакам, а бедняки отдавали есть старикам [Бутанаев, 1996: 131].

Особняком выделяются пищевые запреты, адресованные девушкам, женщинам, которые объяснялись опасением трудных родов³. У хакасов из соображений предотвращения проблем со здоровьем женщинам запрещалось есть мясо на тазовых костях, так как считали, что при родах таз не расширится [Бутанаев 1996: 106]. В среде якутов перечень запрещенных для женщин видов мясной пищи был шире. Так, женщи-

² Селезенку нашпиговывали луком и салом, насаживали на вертел и обжаривали на углях [Бутанаев, 1996: 106]. Тувинцы готовили селезенку иначе: её разрезают вдоль, но не до конца, разделяя на две створки, мясо селезенки размельчают, начинают луком и салом, разрез зашлифовывают и варят [Потапов, 1960: 185].

³ Опасение неблагополучных родов определяло разнообразные запреты среди женщин тюрко-монгольских народов. Бурятские женщины, например, не садились на коврик, сшитый из камусов (шкур, снятых с ног животного) кабарги, считая, что это животное мучается долгими и трудными родами. Из таких же соображений алтайские женщины не пили мускус кабарги [Содномпилова, 2019: 162].

нам запрещалось есть проходы в отделах желудка — сетки *ойуулаах*, *чаңкыччах* жвачных животных — считали, что при родах женщине будут мешать (царапать) похожие на бахрому части желудка, напоминающие кости. Возбранялось есть сухожилия, мясо, прилегающее к половым органам животных. Нарушение запрета могло привести к судорогам и другим сложностям при родах. Также женщинам запрещалось есть все пригоревшее и приставшее к стенам горшка — полагали, что послед при родах прирастет к стенкам матки [Борисова, 2019: 222].

Ряд запретов был сформулирован в отношении беременной женщины из-за опасений, связанных с жизнью и здоровьем будущего ребенка. Практически повсеместно беременным было запрещено употреблять в пищу мясо зайца, верблюда. Последствием нарушения могло быть рождение ребенка с заячьей губой. У хакасов беременной женщине нельзя было жевать серу (застывшую смолу лиственницы), так как для ребенка это чревато насморком и слюнявостью [Кустова, 2000: 27].

Некоторые пищевые запреты были обоснованы страхом разрушения социальных связей. Такой запрет, в частности, соблюдается в отношении глаз животных. Употреблять в пищу глаза животного должен был только один человек, делиться с кем-либо запрещалось. Логика такого запрета в целом понятна: глаза как парный орган не должны были делиться между едоками. Хакасы были твердо убеждены, что съевшие глаза одной коровы могли до смерти рассориться. «Поэтому в народе враждующих людей называли «люди, съевшие глаза одной коровы»» [Бутанаев, 1993: 154]. Но у калмыков аналогичное правило обосновывалось заботой о здоровье человека: калмыки верили, что оба глаза забитого животного должен есть один человек, чтобы не потерять свой глаз [Калмыки, 2010: 223]. У хакасов также запрещалось делить на двоих нижнюю челюсть овцы, нарушившие запрет могли стать врагами [Бутанаев 1996: 106].

К числу пищевых запретов, регламентирующих взаимодействия между членами общества, относится запрет на употребление грудного молока одной матери детям, которые в будущем могли стать парой. В этом запрете транслируется закон о «молочном родстве», равном кровному родству, согласно которому испившие молоко одной матери навсегда становятся друг другу братьями и сестрами [Содномпилова, 2021: 87].

В некоторых ситуациях определенные виды мясной пищи следовало съесть одному человеку. Так поступали, стремясь удержать счастье, благосостояние домохозяйства. В традиции некоторых групп тюрко-монгольского мира при забое скота мясо с первого шейного позвонка — атланта, с первых двух ребер съедал глава дома. Кроме хозяина, никто не имел права их есть. Нарушение этого требования могло привести к утрате скота [Бутанаев, 1996: 102–104]. У бурят первый шейный позвонок также должен был дочиста обглодать хозяин дома. Затем в отверстие позвонка просовывали траву, прятали позвонок в укромном месте, желательно под крышей дома, сарая или помещения для скота, чтобы кость не смогли достать птицы и собаки [ПИМА: Мунконов]. Алтайские урянха после забоя крупного рогатого скота соблюдали аналогичный обычай, дополняя его другими действиями. Хозяин варил шейный позвонок, съедал мясо, кость сжигал, а на следующий день пепел от костра рассыпал на месте забоя скота и, обращаясь к душе животного, в поэтической форме просил:

«Случайность заставила повалить вас.

Не хотели умерщвлять вас.

Голод заставил повалить вас.

Пусть будет много телят там, где вы стояли,

Пусть будет много телят издалека приходить сюда» [Монголын угсаатны зүй, 1996: 305].

Хозяйка-тувинка должна была сама съесть *оол савазы* (матку овцы). С этим в прошлом было связано поверье о благополучном приплоде овец, принадлежащих данной семье. Ни выбросить, ни передать кому-нибудь другому *оол савазы* было нельзя. Из этих же соображений хозяйка варит себе и съедает вымя овцы (*эмиг*) [Потапов, 1960: 185]. У калмыков только женщины могли есть конец привратника желудка — считалось, что если его съест хозяйка кибитки, то это будет способствовать увеличению поголовья верблюдов [Калмыки, 2010: 222]. Монгольские женщины не должны были есть *нугалуур* — вид колбасы, приготовленной из пилорической (утолщенной) части желудка. По этому поводу известна поговорка: «Кто есть нугалуур, тот не кочует» [БАМРС, 2001: 423]. Очевидно, речь в поговорке идет об обеднении хозяйства, поскольку кочуют только те, кто имеет скот.

В то же время некоторые части мяса, наоборот, возбранялось употреблять в пищу в одиночку. В частности, речь идет о лопатке. У разных монгольских народов запрещалось есть мясо лопатки одному человеку — его следовало разделить между гостями. По старому бурятскому обычаю гость, получивший в свою долю лопатку, ест мясо с внутренней стороны, а потом отрезает куски мяса и раздает присутствующим родственникам, говоря: «мясо лопатки делится между семьюдесятью лицами» [Балдаев, 1959: 40]. По сведениям Г. Ц. Цыдынжапова, баргузинские буряты лопаткой угощали самого престарелого гостя. Гость, удостоенный этого блюда, должен был угостить всех присутствующих на пиршестве с пожеланием «дожить до 70 лет» [Тугутов, 1958: 176].

Делиться мясом лопатки со всеми присутствующими мужчинами должен был гость в монгольской традиции [Вяткина, 1960: 206]. Монголы при этом говорят: «Хоть будет и тонкое как лист мясо лопатки, а поделят его даже на семьдесят человек» [Баярсайхан, 2002: 62]. Правило делиться мясом лопатки с гостями, вероятно, обосновано особым символическим значением этой кости: согласно преданиям, бог написал для людей книгу, в которой они могли узнать свое будущее, но книгу по недоразумению съела овца. Книга исчезла, но текст книги проявился на лопатке животного. Видеть и читать этот текст были способны немногие — люди, наделенные вещим знанием — избранники духов (шаманы, знающие старики и старухи). Обычай распределения мяса лопатки между участниками пира, вероятно, даровал гостям возможность приобщиться к сакральному знанию. В пользу этого предположения указывает обычай кыргызов, описанный Ф. А. Фиельструпом: «Когда рождался ребенок, нужно кусочек бараньей лопатки положить ему в рот, а затем каждую неделю показывать его ему, чтобы он был мудрым и знал (предугадывал) все» [Фиельструп, 2002: 86]

Женщинам лопатку даже не давали в руки: мясо с этой кости женщины могли есть только тогда, когда их угощал мужчина. Причина запрета кроется в сакральном статусе

се овечьей лопатки, которая использовалась в магии⁴. Вероятно, что по этой же причине баранью лопатку нельзя было кусать зубами, как прочие кости, мясо счищали, пользуясь ножом. Если человек все же съедал лопатку один, то последствия были разными и однозначно негативными — от неприятностей до нападения злых духов [Жамцарано, 2001: 185, 186].

У тюрко-монголов были известны и другие запреты в отношении лопатки, которые отражают социальные связи между разными группами людей. Особые ограничения при угощении именованным мясом, в состав которого входила и лопатка, соблюдались за столом в присутствии *нагаца* (брат матери) и детей женщины, приходившихся ему племянниками. В монгольском обществе племянники в присутствии дяди по матери даже не прикасались к лопатке, в свою очередь дядя по матери не брал в руки эту кость при племянниках [ПМА: Цэрэнханд]. Похожие правила соблюдались и в традиции тюркских народов Сибири. У хакасов племянник не имел права есть мясо лопатки на глазах своего дяди по матери (*тайы*) без совершения особой процедуры. Дядя набивал тремя ударами ножа гребень лопаточной кости и только затем передавал кость племяннику [Бутанаев, 1996: 105].

Обязательно надо делить между двумя едоками мясо, вырезанное с тазовой кости (*сужи*) [Вяткина, 1960: 242]. В традиции калмыков сваренную верхнюю часть желудка с сальником отдавали хозяйке дома. Она должна была поделиться этой пищей с другими женщинами — есть такое блюдо одной было неприлично [Калмыки, 2010: 222].

Пищевые запреты кочевников различаются и с позиций гендерной принадлежности адресатов. Так, у монголов существует ряд пищевых запретов, которые должны были соблюдать только мужчины. Нарушение запретов могло сказаться на лошади всадника: так, мужчина не должен есть *нёбо* (*тагнай*)⁵ — его лошадь будет страдать от жажды и быстро уставать; если мужчина съест нос козы, его конь истощится, если съест печень — конь станет неуправляемым. Если *баатар* (воин, богатырь) съест кожу с чере-

⁴ Лопатка овцы относится к числу ритуальных костей: очищенная от мяса кость используется в гадании. Обычай гадать на лопатке очень древний. Гадали по внешнему виду лопатки — она могла многое рассказать о будущем домохозяйства. Лопатку обжигали на огне и смотрели, каким образом на поверхности лопатки расположились трещины, которые предсказывали успех или неудачу предприятия. Необходимость в гадании могла возникнуть в любой момент, поэтому лопатки животных, забитых в хозяйстве в разное время, бережно хранили — на всякий случай. В прошлом в любом доме бурята или монгола можно было увидеть несколько овечьих лопаток, припрятанных в чистом, укромном месте. Для гадания следовало использовать лопатки овец, принадлежащих своему хозяйству [ПМА: Галданова]. В дороге избегали гадать на лопатке. Также запрещалось обглоданную лопатку оставлять целой — ее следовало разрубить, чтобы никто другой не использовал ее для ворожбы [Жамцарано, 2001: 185].

⁵ В монгольском языке *нёбо* называлось *тагнай* [БАМРС, 2001: 176], в бурятском языке — *тангалай* [БРС, 1973: 413]. Таким же термином *тагнай* в декоративном искусстве монголов называется орнамент, напоминающий рисунок ёлочной ветви. А неотъемлемой частью костюма невесты и замужней женщины якутов является якутская нарядная свадебная шуба *тангалай*. И название *нёба*, и название узора, включая также и название якутской свадебной одежды, объединяет идея трудолюбия, терпеливости в искусстве шитья, которые хотелось бы привить девочкам и девушкам — будущим мастерицам. И если мужчинам есть *нёбо* запрещалось, то девочкам и девушкам, наоборот, рекомендовалось почаще грызть *нёбо*. По этому поводу в тюрко-монгольской традиции хорошо известна такая мудрость: если девочки/девушки будут грызть *нёбо* скота, то они будут хорошими мастерицами [БАМРС, 2001: 176; Бутанаев, 2003: 62; Баярсайхан, 2002: 61].

па овцы, то на седловине горы он наткнется на врага-неприятеля [Монгол ёс заншлын их тайлбар толь, 1992: 618]. В то же время такую пищу предлагали женщинам [Баярсайхан, 2002: 61]. Вообще в среде воинов и охотников существовало убеждение, что поедание некоторых частей тела животных наделит человека уникальными способностями зверя (способностью хорошо видеть и слышать, отвагой, выносливостью, быстротой). По этой причине мальчики и молодые люди съедали глаза, язык и внутренности медведя, тигра, волка, лисицы, кулана и многих других животных. Но сердце овцы, зайца — пугливых животных — мальчикам не давали, чтобы они не стали трусами. Поедание каждого из видов внутренностей у монголов рассматривалось как усиление соответствующих свойств человеческой природы. Например, съеденная печень увеличивала силу, сердце — храбрость, тестикулы — половую потенцию [Жуковская, 1988: 72].

Вызывает интерес, но не находит объяснения особое отношение хакасов к соли, в частности в запрете солить супы и мясо. Соль стояла на столе в солонке, при этом макать в соль пищу запрещалось (очевидно, мужчинам) — «иначе где-нибудь поймаешься на обмане, ведь мужчине нельзя жить без хитрости» [Бутанаев, 1996: 131]. В традиции других тюрко-монгольских народов бульон солили и обычно использовали его как соус.

Большое количество запретов на употребление в пищу той или иной части туши домашнего животного соблюдалось в отношении детей. Этот факт далеко не случаен: сутью подобных запретов выступало проявление своеобразной «заботы» о физических и моральных качествах ребенка. Кроме того, обоснованием для запретов служили представления о сохранении здоровья детей. Например, в прошлом люди не связывали появление выделений из носа с простудой или инфекционными заболеваниями. Причины насморка, в частности у детей, видели в некоторых видах пищи. В целях профилактики насморка следовало соблюдать определенные пищевые ограничения: тувинцы не давали детям есть жилистое мясо с ног животного, «чтобы они не были соплисты, и чтобы у них не болело сердце» [Потапов, 1969: 185], хакасы запрещали будущей матери жевать застывшую смолу лиственницы, называемую серой, иначе ребенок будет страдать насморком [Кустова, 2000: 49], монголы не давали детям костный мозг, опасаясь, что ребенок будет сопливый [Вяткина, 1960: 242].

Опасались и других нарушений здоровья у детей. Якуты считали, что детям не стоит есть голосовые связки коровы — нарушившие запрет могли стать немыми [Попов, 1949: 290]. Хакасы не давали детям грызть шейные позвонки, иначе у них заболит шея. Зато мальчикам полезно было есть мясо с голени, чтобы лучше бегать [Бутанаев, 1996: 106].

Чтобы у ребенка не проявились негативные черты характера, монголы не давали детям верхнюю часть желудка (хотой), иначе ребенок будет скандалистом и болтуном. Также не дают детям толстые кишки, иначе они будут глупыми (*ухаан угуй*) [Вяткина, 1960: 243]. Нельзя было давать ребенку кончик языка, иначе он мог стать болтуном, не давали ребенку и мозги животных, чтобы не стал глупым. Если дать костный мозг, то ребенок будет сопливым, если спинной мозг — плаксивым. Полезными для детей считались язык, уши, челюсти, конечности [Вяткина, 1960: 242]. Калмыки также предлагали молодому поколению язык и уши [Эреджэнов, 1985: 77]. Якуты не давали мальчикам есть кончик коровьего хвоста, считая, что они будут похотливыми; молодым людям запрещали «есть жира коленной чашечки — ноги при борьбе будут скользкими»

[Попов, 1949: 290]. Хакасскому мальчику нельзя было пробовать костный мозг, иначе он мог стать плохим охотником. Не давали ему и пенки, снятые с молока [Кустова, 2000: 49].

В традиционной культуре тюрко-монголов обнаруживаются любопытные пищевые запреты, связанные с внешностью будущих детей. Некоторые запреты были актуальны для молодых, еще неженатых мужчин. Они были озабочены не только созданием семьи, но и внешностью своих будущих детей, свидетельством чему являются некоторые традиции повседневной жизни. Так, хакасы, принимая мясную пищу, старались чисто обглаживать надколленную чашечку, не задевая поверхности ножом. В противном случае у этого человека будут дети некрасивые, с рубцами [Бутанаев, 1992: 106]. Ойраты тоже тщательно очищали от кожицы *шаа* или *шагай* (альчик), не то будущий ребенок родится некрасивым [Галданова, 1992: 75].

В отношении девушек подобные запреты нами обнаружены не были, однако в отношении беременных женщины таких запретов достаточно много. Выше уже говорилось о запрете беременным есть мясо зайца и верблюда. В определенной связи с внешностью будущего ребенка находятся запреты, выработанные в монгольской культуре по отношению к птицам. Значительная часть птиц у тюрков и монголов считаются сакральными — одни птицы рассматриваются в качестве мифических предков определенных этнических групп, другие, живущие парами (лебеди, журавли, фламинго), наделены способностями проклясть человека и прервать его род. В этой связи убивать птиц, тревожить их на гнезде, трогать их яйца строго запрещалось. Монголы опасались беспокоить любых птиц. Есть поверье, согласно которому нельзя допускать, чтобы тень человека падала на птичью кладку — жизнь у человека будет короткой, а если заглянуть в гнездо, лицо будет пестрым [Эрдэнэболд, 2012: 78]. Полагаем, что монголы яйца диких птиц не ели, но у калмыков, очевидно, такой опыт был, поскольку «беременным женщинам-калмычкам запрещалось есть яйца пугалиц, ибо считалось, что от них лицо человека делается таким же рябым» [Шараева, 2013: 42]. Скорее всего, речь идет о внешности ребенка.

Заключение

Обширный комплекс пищевых запретов, существовавших в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, показывает разнообразие сторон жизни людей, которые регламентировались запретами. Это сохранение физического здоровья членов общества, особенно детей, удержание благополучия, забота о внешности, профилактика конфликтных ситуаций в обществе. Многие запреты, связанные с мясной пищей, носят дискриминационный характер, ограничивая женщину в употреблении наиболее ценного мяса и оставляя на ее долю внутренности и другие несъедобные части туши, например, нёбо и кожу черепа [Баярсайхан, 2002: 61]. Детям тоже редко доставались лучшие куски пищи, так как они предназначались мужчине-добытчику в пищевой традиции многих народов. Вероятно, что в основном мужской долей считались костный и головной мозг — калмыки, например, отдавали головной мозг пожилым мужчинам [Эреджэнов, 1985: 77]. Детям по разным причинам есть этот питательный продукт запрещалось. Женщины могли отведать такую пищу, но, вероятно, только после мужчин, либо разделив ее с ними. Нарушение порядка вызывало общественное порицание. Последствия могли быть и более серьезными. Так, согласно сюжету генеалогического предания бурят «Война икинатов и ашебагатов», нарушение правил

в угощении мясной пищей женщиной⁶ стало причиной многолетнего конфликта между сообществами икинатов и ашебагатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1959. 179 с.

Баярсайхан Ё. Этнокультурная лексика современного монгольского языка. М. : Современник, 2002. 108 с.

Борисова И. З. Алиментарные табу в якутской культуре как фактор идентичности // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 6А. С. 219–225.

Большой академический монгольско-русский словарь (БАМРС). М. : Academia, 2001. Т. 2. 536 с.

БАМРС. М. : Academia, 2001. Т. 3. 440 с.

Бурятско-русский словарь (БРС). М. : Советская энциклопедия, 1973. 803 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2003. 260 с.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан : Хакасское книжное изд-во, 1996. 222 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия, 1999. 240 с.

Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М. ; Л., 1960. С. 159–271.

Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск : Наука, 1992. 172 с.

Галданова Г. Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск : Наука, 1993. С. 141–150.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука, 1988. 195 с.

Калмыки. М. : Наука, 2010. 568 с.

Кустова Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. 160 с.

Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. 368 с.

Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск : Якуткнигоиздат, 1964. 202 с.

Полевые материалы автора (ПМА): Информатор Ц. Ц. Галданова. 1908 г. р., п. Баянгол Закаменского района республики Бурятия

⁶ На пиру невестка предводителя икинатов расколола трубчатую кость лося, «извлекла длинный и литой как свеча, костный мозг и съела его одна, ни с кем не поделившись» [Небесная дева лебедь, 1992: 179].

ПМА: Информатор Мунконов Б. Х. 1947 г. р., с. Орлик Окинського району Республіки Бурятія.

ПМА: Информатор Г. Цэрэнханд, г. н. с. Института истории Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия.

Попов А. А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея археологии и этнографии. 1949. Т. IX. С. 257–323.

Попова С. А. Медвежий праздник северной группы манси: языковое табу // Финно-угорский мир. 2017. № 3 (32). С. 102–112.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 401 с.

Содномпилова М. М. Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М. : Наука. Восточная литература, 2019. 205 с.

Содномпилова М. М. Биологические жидкости человеческого организма в контексте социальных интерпретаций: священное материнское молоко // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 83–95.

Терентьева В. К. Языковые табу и лексические ограничения в речевых практиках японского языка // Вопросы филологии. 2015. № 2 (50). С. 103–116.

Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958. 214 с.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. М. : Наука, 2002. 300 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX — начала XXI в. Элиста : Джангар, 2011. 218 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX — начало XX в.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2013. 196 с.

Эрендженев К. Золотой родник. О калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. 2-е изд. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1990. 126 с.

Монгол ёс заншлын их тайлбар толь. Тэргүүн боть. Улаанбаатар: Сүүлэнху хүүхдийн хэвлэлийн газар, 1992. 926 т (на монг. яз.).

Монгол улсын угсаатны зүй. Ойрадын угсаатны зүй. XIX–XX зууны зааг үе. 2 боть. Улаанбаатар, 1996. 438 т (на монг. яз.).

REFERENCES

Baldaev S. P. *Buyjatskiye svadebnye obrjady* [Buryat wedding rituals]. Ulan-Ude: Burjatskoye knizhnoe izdatel'stvo, 1959, 179 p. (in Russian).

Bajarsajkhan O. *Etnokul'turnaia leksika sovremennogo mongol'skogo yazyka* [Ethnocultural vocabulary of the modern Mongolian language]. Moscow: Sovremennik, 2002, 108 p. (in Russian).

Borisova I. Z. *Alimentarnye tabu v yakutskoj kul'ture kak faktor identichnosti* [Nutritional taboos in Yakut culture as a factor of identity]. *Kul'tura i tsivilizatsiia* [Culture and civilization]. 2019, vol. 9, no. 6A, pp. 219–225 (in Russian).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' (BAMRS) [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Academia, 2001, vol. 2, 536 p. (in Russian).

Bol'shoj akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' (BAMRS) [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Academia. 2001, vol. 3, 440 p. (in Russian).

Burjatsko-russkii slovar' (BRS) [Buryat-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1973, 803 p. (in Russian).

Butanaev V. Ya. *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of the Khakass people]. Abakan: Khakasskoe knizhnoye izdatel'stvo, 1996. 222 p. (in Russian).

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan: UPP "Khakasiya", 1999. 240 p. (in Russian).

Butanaev V. Ya. *Burkhanizm tjurkov Sajano-Altaja* [Burkhanism of the Sayan-Altai Turks]. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003, 260 p. (in Russian).

Vyatkina K. V. *Mongoly Mongol'skoy Narodnoi Respubliki (Materialy istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 g. g.)* [Mongols of the Mongolian People's Republic (Materials of the historical and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences and the Committee of Sciences of the MPR 1948–1949)]. *Vostochno-Aziatskiy etnograficheskiy sbornik* [East Asian ethnographic digest]. Moscow — Leningrad, 1960, pp. 159–269 (in Russian).

Galdanova G. R. *Zakamenskie burjaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Vtoraya polovina XIX — pervaya polovina XX v.)* [Zakamenskie Buryats. Historical and ethnographic essays (Second half of the 19th century — first half of the 20th century)]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 172 p. (in Russian).

Galdanova G. R. *Ritual'naya pishcha mongol'skikh narodov* [Ritual food of the Mongolian peoples]. *Iz istorii khozyaystva i material'noj kul'tury tjurko-mongol'skikh narodov* [From the history of the economy and material culture of the Turkic-Mongolic peoples]. Novosibirsk: Nauka, 1993, pp. 141–150 (in Russian).

Zhamtsarano Ts. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel diaries of 1903–1907]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN, 2001, 380 p. (in Russian).

Zhukovskaya N. L. *Kategorii i simvolika traditsionnou kul'tury mongolov* [Categories and symbolism of traditional Mongol culture]. Moscow: Nauka, 1988, 195 p. (in Russian).

Kalmyki [Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010, 568 p. (in Russian).

Kustova Ju. G. *Rebenok i detstvo v traditsionnoi kul'ture khakasov* [Child and childhood in the traditional culture of the Khakass people]. Saint-Petersburg: Peterburgskoje vostokovedenije, 2000, 160 p. (in Russian).

Nebesnaya deva-lebed'. Burjatskiye skazki, predaniya i legendy [Heavenly swan maiden]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoje knizhnoye izdatel'stvo, 1992, 368 p. (in Russian).

Nikolaev S. I. *Eveny i evenki Yugo-Vostochnoi Jakutii* [Evens and Evenks of South-Eastern Yakutia]. Yakutsk: Jakutknigoizdat, 1964, 202 p. (in Russian).

PMA (Polevye materialy avtora) [Author's Field Material]: Informator Galdanova Ts. Ts. 1908 g. r., p. Baiangol Zakamenskogo raiona respubliki Buriatiia [Informant Galdanova T. C. Born in 1908, p. Bajangol, Zakamensky District, Republic of Buryatia] (in Russian).

PMA (Polevye materialy avtora) [Author's Field Material]: Informator Munkonov B. Kh. 1947 g. r., s. Orlik Okinskogo raiona respubliki Buriatiia [Informant Munkonov B. H. Born in 1947, s. Orlik Okinskij District, Republic of Buryatia] (in Russian).

PMA (Polevye materialy avtora) [Author's Field Material]: Informator Tserenkhand G., g. n. s. instituta istorii Mongol'skoi akademii nauk, g. Ulan-Bator, Mongoliiia [Informant Tserenkhand G., Institute of History of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia] (in Russian).

Popov A. A. Materialy po istorii religii yakutov byvshego Viljuiskogo okruga [Materials on the history of religion of the Yakuts of the former Vilyui district]. *Sbornik muzeja arkheologii i etnografii* [Digest of the Museum of Archeology and Ethnography]. 1949, vol. IX, pp. 257–323 (in Russian).

Popova S. A. Medvezhii prazdnik severnoi gruppy mansi: yazykovoye tabu [Bear holiday of the northern group of Mansi: linguistic taboo]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world]. 2017, no. 3 (32), pp. 102–112 (in Russian).

Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the folk life of Tuvinians]. Moscow: Nauka, 1969, 401 p. (in Russian).

Sodnompilova M. M. *Mezhdru meditsinoi i magiei: praktiki narodnoi meditsiny v kul'ture mongol'skikh narodov (XVII–XIX vv.)* [Between medicine and magic: practices of traditional medicine in the culture of the Mongolian peoples (17th–19th centuries)]. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2019, 205 p.

Sodnompilova M. M. Biologicheskie zhidkosti chelovecheskogo organizma v kontekste sotsial'nykh interpretatsii: svyashchennoye materinskoe moloko [Biological fluids of the human body in the context of social interpretations: sacred mother's milk]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2021, vol. 26, no. 4, pp. 83–95 (in Russian).

Terent'yeva V. K. Yazykovye tabu i leksicheskie ogranicheniya v rechevykh praktikakh yaponskogo yazyka [Language taboos and lexical restrictions in speech practices of the Japanese language]. *Voprosy filologii* [Questions of Philology]. 2015, no. 2 (50), pp. 103–116 (in Russian).

Tugutov I. E. *Material'naya kul'tura buryat* [Material culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Burjatskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1958, 214 p. (in Russian).

Fiel'strup F. A. Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala XX v. [From the ritual life of the Kirghiz at the beginning of the twentieth century] Moscow: Nauka, 2002, 300 p. (in Russian).

Sharaeva T. I. *Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov XIX — nachala XXI v.* [Rituals of the life cycle of Kalmyks in the 19th — early 21st centuries]. Elista: NPP; Dzhangar, 2011, 218 p. (in Russian).

Erdenebold L. *Traditsionnye verovaniya oyrat-mongolov (konets XIX — nachalo XX v.)* [Traditional beliefs of the Oirat-Mongols (late 19th — early 20th centuries)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN, 2013, 196 p. (in Russian).

Erendzhenov K. *Zolotoy rodnik. O kalmytskom narodnom tvorchestve, remeslakh i byte.* [Golden Spring. About Kalmyk folk art, crafts and life]. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1990, 126 p. (in Russian).

Mongol jos zanshyn ikh tailbar toli. Tergüün botj [A great dictionary of Mongolian customs]. Ulaanbaatar: Süülenkhu khüükhdiin khevleliin gazar, 1992, vol. 1. 926 p. (in Mongolian).

Mongol ulsyn ugsaatny züi. Oiradyn ugsaatny züi. XIX–XX зууны зааг үе. 2 боти [Ethnography of Mongolia. Ethnography of Oirad. XIX–XX century]. Ulaanbaatar, 1996, vol. 2. 438 p. (in Mongolian).

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023

Принята к публикации: 10.03.2024

Дата публикации: 31.03.2024